

Владимир Горбань

Выкрутасы судьбы

Сборник избранных иронических
рассказов



Владимир Горбань
Выкрутасы судьбы

«Издательские решения»

Горбань В. В.

Выкрутасы судьбы / В. В. Горбань — «Издательские решения»,

«Выкрутасы судьбы» — сборник избранных юмористических и иронических рассказов Владимира Горбаня, написанных им на протяжении трех десятков лет. Легкое перо автора, забавные сюжеты... это книга в основном о так называемых чудиках, тех людях, которые по иронии судьбы попадают в несусветные ситуации. И только чувство юмора, порой глубоко в них законспирированное, позволяет чудикам противостоять тем выкрутасам, с которыми они сталкиваются в жизни.

© Горбань В. В.

© Издательские решения

Содержание

Вместо предисловия	6
Как писать прозу	7
Оказия	9
Дед Григорий	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Выкрутасы судьбы
Сборник избранных иронических рассказов
Владимир Владимирович Горбань

© Владимир Владимирович Горбань, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия

Разрешите представиться – Владимир Горбань – весьма пожилой (год жизни в России следует принимать минимум за два) журналист и писатель.

Я очень долго ломал голову над составлением своего резюме. Хотелось чтобы получилось оно и умным, и содержательным, и веселым. Чтобы оно ярким светом отражало все основные вехи моей богатой на события жизни, все этапы длинного и тернистого творческого пути: искания, мучения, сомнения, надежды и разочарования, взлеты и падения, борьбу с тщеславием и гордыней и при этом, чтобы было оно кратким и нескучным.

Хотелось захватить кусочек счастливого детства, частичку беззаботной юности, пару – тройку забавных мгновений бесшабашной молодости, а также некоторые эпизоды познавательной зрелости и уже наступающей на пятки неумолимой старости.

Отдельные абзацы хотелось бы посвятить былому увлечению спортом, алкоголем, женщинами, политикой, бизнесом, многочисленным встречам с сильными мира сего, авторитетами преступного мира. А также общению с киношными знаменитостями, золотыми голосами советской и российской эстрады, учеными, художниками, композиторами, слесарями, геологами, токарями, работниками сельского хозяйства. А еще военными, представителями правоохранительных органов, учителями, врачами, многочисленными поэтами и прозаиками.

А закончить свое резюме мне хотелось бы какой –нибудь умной и жизнеутверждающей фразой типа: «Все будет хорошо!»

Но я ничего путного так я и не придумал. Видимо, еще не пришло мое время полностью подвести черту...

Так что делайте выводы сами, читая мои рассказы, которые были написаны в разные годы, начиная с середины 80—х XX века. Рассказы, собранные в книге с соответствующим моей богатой биографии названием «Выкрутасы судьбы». Ей Богу я сам эти рассказы в разные годы написал...

Как писать прозу

Для того чтобы создать добротный рассказ или претендующую на успех повесть, начинающему автору необходимо знать 3—5 несложных правил.

Правило первое, основополагающее. Если можешь не писать – не пиши. Занимайся своим прямым делом, не изменяй родной профессии.

Правило второе, главное. Если совсем неможешь и уже взялся за перо, пиши о том, что хорошо знаешь, глубоко прочувствовал.

Правило третье, фундаментальное. Всякое произведение должно начинаться красиво и интригующе, независимо от избранного жанра. Например, повесть о деревенской жизни можно начать так: «Верхнереченский пастух Афанасий Егорыч знал в лицо каждую корову в своем стаде». А вот неплохая первая строка для детективной истории: «Полковник Вихрев, разжалованный за своенравный характер в рядовые, не спал четвертые сутки, ожидая в засаде коварных врагов». Роман о романтической любви желательно начать издали: «Она стояла у раскрытого окна в цветастой кофточке совсем босая, а в кронах цветущих черемух без умолка пел соловей».

Правило четвертое, факультативное. В каждом произведении желательно наличие сюжета, по возможности оригинального или хотя бы хорошо забытого. Сюжет повести о сельской жизни может развиваться так: верхнереченского пастуха Афанасия Егорыча переводят в плане обмена опытом скотником в соседнюю деревню Нижнереченскую. Удои у коров верхнереченского стада резко падают. Заведующий фермой, зоотехник и новый пастух не могут понять истинных причин и интенсивно лечат бедных буренок от бруцеллеза. В результате такой безжалостной химиотерапии коровы вовсе перестают доиться. Все в панике! Вдруг из города приезжает с лекцией известный психотерапевт, гипнотизер и маг в пятом поколении. Этот чудо – целитель за один сеанс излечивает всех бабок и алкоголиков. Его уговаривают посетить ферму. Он долго отказывается, но после того, как его ни за что просит самая красивая в округе доярка, эскулап великодушно соглашается. Экстрасенс, гипнотизер и маг вступает с коровами в диалог на языке медиков – латыни – и выясняет истинную причину их болезни. Оказывается, буренки тоскуют по своему прежнему пастуху и им вовсе не хочется жить. Афанасия Егорыча в приказном порядке возвращают в родную деревню. Его встрече с коровами посвящается отдельная глава, которая заканчивается утверждениями о резком возрастании удоев. Эту сентиментальную повесть можно завершить такой фразой: Афанасий Егорыч плакал в своей жизни лишь дважды. Первый раз от горя, когда покидал свою малую родину, а теперь от радости возвращения домой после долгих мытарств на чужбине».

Сюжет детективной истории стоит по возможности предельно запутать. Ход мыслей может быть таковым. Бывшего полковника Вихрева вовсе выгоняют из органов. Так называемые друзья – сослуживцы от него отвернулись, жена бросила. Напасти одна за другой преследуют Вихрева: сгорает квартира, угоняют автомобиль, а сам он в восьми местах ломает правую руку. И все это – происки хорошо организованной преступности. Однако бывший полковник не сдастся. Он учится стрелять левой рукой, сходится с другой женщиной, поселяется в ее квартире, пользуется ее автомобилем и помощью ее друзей. В итоге Вихрев выслеживает преступников и устраивает им засаду. Отдельная глава посвящается рукопашной схватке, пальбе и завершается пленением особо опасных преступников. Ими оказываются бывшие сослуживцы рядового Вихрева. Заключительный аккорд может звучать так: «Вихрев был произведен в звание генерала и представлен к правительственной награде. Однако к бывшей своей супруге так и не вернулся».

Любовный сюжет не обязательно выстраивать замысловато. Достаточно внешнего эффекта и внутреннего драматизма. Допустим, она его долгие месяцы ждет, а он об этом еще

не знает. Пусть как можно чаще посвистывает соловей, а ночи будут сырыми и зябкими. Пусть он будет моряком дальнего плавания или ушедшим на битву ратником. Хэппи – энд предпочтительнее, хотя обоюдных слез должно быть пролито немало. Закончить эту историю можно кратко: «И жили они долго и счастливо, и оба умерли в один день на Страстной неделе».

Правило пятое, необязательное. Если вы все же решили следовать моим правилам – можете ограничиться первым.

Оказия

Два известных профессора – орнитолога возвращались с утренней экскурсии. Полуденная жара уже закралась под пышные кроны деревьев не густого леса, пение утомленных духотой птиц смолкло, полыхающее солнце слепило глаза. Однако оба старика выглядели весьма свежо, живо вели малопонятную нам беседу, часто употребляя жуткие термины, латынь и смачные словечки, укоренившиеся в их лексиконе коллег еще со студенческих лет.

Ежики незатейливых причесок, отливающие почтенной сединой, остренькие редкие бороды, высокие лбы, изрезанные мелкими поперечными морщинками, худые шеи с навешанными на них биноклями и фотоаппаратами и шныряющие во все стороны выразительные глаза делали старичков почти неотличимыми друг от друга.

Ловко вскарабкавшись по склону песчаного холма, Александр Викторович Облаков первым обнаружил оказию.

– Коллега! – вскричал он восторженно, – Смотрите, Владимир Ильич, вы видите?

– Да, Александр Викторович, я ее еще чуть раньше заметил, почти у самого подножья холма, – спокойно произнес профессор Бараев.

– Кого её? – недоуменно спросил Облаков.

– Ну, как же. В ста метрах на северо – восток на сухом одиноком тополе я вижу молодую самку ушастой совы.

Профессор Облаков на мгновение опешил. В ста метрах на северо – восток на сухом одиноком тополе он отчетливо видел обыкновенного сыча.

– Коллега, – напевно протянул Облаков, – это же самец обыкновенного сыча. Обратите внимание на его характерную посадку, на то, как он головой крутит, наконец.

– Мой друг, вы несколько ошиблись, – с едва заметной укоризной сказал Владимир Ильич, поднимая бинокль к глазам. – Вы посмотрите на ушки, ушки – то как явно торчат. А когти? Где вы видели такие когти у сыча?

– Коллега, – нервно заикаясь от нахлынувшего волнения, спросил Облаков, также разглядывая предмет спора в бинокль, – Какое у вас увеличение?

– Двенадцать крат, – гордо ответил Бараев.

– То – то, Владимир Ильич, то – то. С вашим то, увеличением, – и он сочувственно махнул рукой. – Не то, что в лесу, в женском общежитии делать нечего. Вы на клюв посмотрите. Вы обратили внимание на клюв?

– Да что клюв? Что клюв! Вы что не видите, дорогой Александр Викторович, что у этой птицы глаза светло – желтые? Вы в каком университете учились?

– Ну, знаете, Владимир Ильич, – преднамеренно растягивая слова, съязвил Облаков, я вижу, разбираетесь вы в ночных хищниках, как моя вторая теща в эволюции грызунов.

– Что?! – вспыхнул Бараев. – Это я – то не разбираюсь? А кто, по – вашему, написал монографию по полярной сове? Кто защитил докторскую диссертацию по орнитофауне Нижнего Поволжья? И кто читал лекции по зоологии позвоночных в нашем университете до недавнего времени?... Хм, я не разбираюсь... Подумаешь, специалист выискался!

– Что вы в меня пальцем тычете? – обижено воскликнул Облаков. – Я автор семнадцати статей и двадцати одного тезиса по хищным птицам!... И печатаюсь, между прочим, в авторитетных журналах.

– Что? Журнал «Биология и домоводство» вы считаете авторитетным журналом? Боже мой, какая наивность! Вы бы еще в «Мурзилке» напечатались.

– «Биология и домоводство»? А что, нет? Да его главный редактор академик Бурев ученый с мировым именем, один из известнейших специалистов по экологии домашних птиц!

– Кто! Бу – рев? – ядовито усмехнулся Бараев. – Этот прыщ знаменитейший орнитолог? Этот законченный маразматик – светило? Да он даже не знает, как ворону по латыни назвать! Это он – то специалист? Ну, знаете, коллега!

– А кто – же, ваш прелюбезнейший Шламов – специалист? Тоже мне – деятель науки. И вы перед ним как собачка, ти – ти – ти, ти – ти – ти, на задних лапках. Уважаемый Савелий Петрович. Уважаемый Савелий Петрович! Как ваше бесценное здоровье? Ти – ти – ти, ти – ти – ти. Авторитетный ученый! Да над ним же весь мир хохочет. И как это такие бредовые мысли так обильно лезут в голову, посещают его могучий мозг? Вот уж действительно, дурные мысли могут прийти только в абсолютно дурную голову, примером которой и является то утолщение шеи, к которому вы с таким вниманием прислушиваетесь!

– Ах, вам, милейший мой, не по нутру гипотеза Савелия Петровича? Ни вы, ни этот ваш сморчок из зоологического института ни черта в ней ничего не смыслите. Да что вы, собственно говоря, можете предложить взамен? Вы и вся ваша шайка – лейка?

– Что? Это моя то кафедра – шайка – лейка?! Стыдитесь, Владимир Ильич. Эта ваш аспирант Кругликов сдал кандидатский экзамен по специальности лишь с третьего захода, а соискатели защищаются по пятнадцать лет. Это ваш доцент Груздев вместо «млекопитающие» сказал «млекопитающиеся». Да где? На международном симпозиуме!

– Причем здесь Груздев? – резко перебил его Бараев. Он уже второй год как на пенсии. Кстати, это вы были его официальным оппонентом по кандидатской диссертации. Что же не критиковали, а молчали в салфеточку?.. А то я смотрю, аспирантка Градова берет уже второй академический по факту очередной беременности.

– А что Градова? – затараторил Облаков, – Причем тут Градова? Я сам по себе, она сама по себе.

– Ладно, ладно, Александр Викторович, весь факультет знает о ваших шашнях. Стыдитесь хотя бы студентов. Уж я не знаю, право!

– А у вас, между прочим, дорогой Владимир Ильич...

Так увлечено перебраниваясь, профессора неожиданно для себя уперлись в тот самый злосчастный тополь. Первым очнулся профессор Облаков. Он резко вскинул взгляд на верхушку дерева и оторопел. Его волнение пополам с жутким ужасом передалось Бараеву, тот победно ухмыльнулся и уверенно глянул вверх. Его улыбка мгновенно сошла с лица, которое тут же передернулось от налетевшего оболъщения. На сухом тополе сидела не ушастая сова и не обыкновенный сыч. Это по весне юннаты прибили новый скворечник.

Дед Григорий

Для многих станичников дед Григорий был личностью незаурядной, даже легендарной, своего рода местной достопримечательностью, родимым пятном. И о том, что он гонит самогон, причем самый лучший в округе, было известно всем от сопливых пацанов до дряхлых старцев. И никого это не удивляло, и даже можно уверенно сказать, зная привычки и обычаи станичников, что удивило бы их скорее обратное, а именно, если бы дед Григорий бросил заниматься своим любимым делом.

Сменялись генеральные секретари, рождались, вырастали и уезжали в город дети, неуклонно заглублялись окрестные овраги, периодически что – то преобразовывалось, менялось, но все это никак не влияло на дедово пристрастие, на его природный, познавательный интерес, дотошность и смекалку. Не менялась и такса. Как стоила трехлитровая банка ядреного первача червонец, так и никакие разорительные реформы не поколебали дедовых взглядов на ценообразование. Ни у кого из местных и мысли не возникало затевать что – либо не хорошее против деда Григория. Да и как можно было затевать какую – нибудь пакость против всеобщего любимца. Однако, все же одно такое посягательство, сразу после печально известного указа о борьбе с пьянством и алкоголизмом, таки случилось.

От некоего Доброжелателя с красивым и ровным почерком местный участковый Сашка Хват стал регулярно получать анонимки, в которых неизвестный грамотей мастерски рассказывал всю звериную и кулацкую сущность деда Григория. А так как Сашка Хват был не особый мастак в канцелярском деле и, честно говоря, ни хрена не знал, что же он обязан делать с подобными депешами, да еще потому, что обличаемый доводился ему троюродным дедом, который частенько угощал своего внука целебным зельем, то подобная документация транзитом препровождалась в Сашкин сортир. Там она аккуратненько подкалывалась на соответствующий ржавый гвоздик. Вот уж, действительно, бумага все стерпит!

Доброжелатель явно был нездешним, так как не знал реальных масштабов местной мафии, то есть и не предполагал даже, что не только председатель колхоза, но и все правление по веским причинам покрывало дедово увлечение. Кроме того, графоман оказался весьма настырным, и Сашка уже серьезно подумывал о том, чтобы не выписывать на будущий год газет. Зачем попусту тратиться, когда и казенную бумагу не успеваешь расходовать.

Но вдруг незнакомец замолк. Сашка не просто удивился этому, он обиделся до корней волос. Все же ему было приятно, когда в очередной раз к нему обращались на Вы, по имени и отчеству, официально и со значением. После таких писем Сашка надевал свой милицейский картуз, важно расхаживал по улице, по петушиному задрав голову, здоровался через одного и пренебрежительно бормотал: «Ну, ты мне еще поговори», – особо непочтительным станичникам. Однако Доброжелатель оказался гораздо хитрее и коварнее, чем это предполагалось. Он не успокоился и стал писать выше, аж самому начальнику РОВД Ивану Ивановичу.

Иван Иванович еще мальцом знал деда Григория. И не просто знал, а был им дважды бит хворостиной после того, как неудачно оба раза слазил в дедов огород за малиной. К тому же, вторая его теща доводилась племянницей деду Григорию. Иван Иванович строил свои отношения с тещей традиционно, и если сюда еще добавить детские обиды, то можно себе представить те глубокие чувства, которые переполняли вспыльчивое и капризное сердце усердного служаки, когда ему на стол легло аккуратное письмецо без обратного адреса, но с неопровержимыми уликами.

Иван Иванович не привык мешкать. Он был научен принимать меры и потому предвзительно прокашлявшись, а без этого командный голос не получался, он решительно, хотя и с восьмого раза, набрал заветный сельсоветский номер телефона. Заканчивался обеденный

перерыв, и потому трубку сняла бабка Лукерья, которая уже домывала полы и собиралась запи- рать сельсовет. Время стояло напряженное, сенокосное.

Иван Иванович постарался покультурнее объяснить нерадивой бабке, что завтра он де сам лично прибудет с обыском, что Сашка Хват нашел заранее понятых, да потолковее, да чтоб те были трезвыми и что завтра спозаранку они будут «вязать деда Григория».

Однако речь у него получилась невнятная, неубедительная, слова подобрались какие – то невыразительные, и от всего сказанного веяло газетной казенщиной. Да и бабка Лукерья усомнилась в том, что звонит высокий начальник, аргументируя свое сомнение тем, что, мол, районное начальство так не разговаривает, а другое для нее не указ. Поэтому Иван Иванович еще раз, от души, как это водится, без стеснения, доходчивыми для бабки понятиями объяснил самую суть и напоследок пообещал содрать семь шкур и все такое прочее.

Теперь бабка усекла, прониклась важностью поручения, и побожилась всеми святыми исполнить все, как ей было дважды приказано. Иван Иванович бросил вспотевшую трубку на рычаги телефона, смачно выругался и для порядка устроил разнос своему шоферу, ибо знал твердо, попроси по хорошему, завтра в самый ответственный момент либо колесо спустит, либо какая – нибудь гайка отвинтится, либо и то, и другое случится одновременно. И лишь выплеснув вскипевшие страсти наружу, Иван Иванович успокоился, пришел в хорошее настро- ение и, насвистывая прошлогодний шлягер, взялся за составление плана – графика дежурства районного ДНД.

Бабка Лукерья в революцию была неплохим филером. И она точно знала, что Сашка Хват вторую половину дня проводит с полногрудой Любкой, рано овдовевшей блондинкой, которая в свои тридцать с небольшим лет не потеряла глубоких чувств и понятных желаний. Именно туда, на другой конец станицы и направила бабка Лукерья свои больные стопы и как могла, в меру своего дремучего склероза, передала суть приказа в миг обалдевшему при этом Сашке.

Тот стоял с выпученными глазами, без рубахи и босой на свежевыкрашенном крыльце и не мог понять, то ли бабка съехала с ума, то ли дело действительно «труба» и надо срочно что – то предпринимать.

Но тут выскочила бесстыжая Любка, вся раскрасневшаяся и взволнованная, с распущен- ной косой, в замызганном, наспех заброшенном халате, перекинулась с бабкой матюгами и сде- лала следующее заключение: деда Григория надо срочно спасать.

Дед Григорий жил у Любки в соседях, если мерить напрямки огородами, то метров три- ста, так что Сашка, чтобы не терять драгоценного времени, прямо полунагишом, без рубахи и сапог ломанулся по картошке, сигая из стороны в сторону, будто затравленный заяц.

Дед по своему обыкновению сидел на крыльце и мастерил сигарки. При виде несущегося Сашки дед приподнялся на ногах, приложил руку к папахе, но все равно не признал охальника и в сердцах обложил участкового отборным фольклором на предмет варварского топтания грядок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.